

Михаил Ардов: Ахматова изменила Югу с Севером

23 июня исполняется 125 лет со дня рождения Анны Ахматовой (Горенко). Она появилась на свет на Большом Фонтане, который тогда находился за чертой города, считался дачным предместьем. Отношение к Одессе у великого поэта было непростое (и для патристически настроенных одесситов непонятное). Мы-то, понятное дело, записываем ее в одесситки. Но она сама себя таковой не считала. Почему? Каким все же было ее отношение к Одессе?

Узнать ответ из первых рук невозможно. Поэтому попробуем получить его "из вторых рук". Михаил Викторович Ардов — писатель, публицист, мемуарист; протоиерей, настоятель московского храма. Его родители — писатель Виктор Ардов и актриса Нина Ольшевская, братья — Борис Ардов и Алексей Баталов. Большая хорошая семья.

Когда Ахматова приезжала в Белокаменную, она всегда останавливалась в их уютной квартире на Ордынке.

Вы помните, как Анна Андреевна появилась в вашем доме?

Двоевальных приездов к нам на Ордынку не помню. Смутно вспоминаю ее в 1946 году, сначала весной, а потом осенью, уже после печально известного постановления. А вот начиная с пятидесятого года Ахматова жила на Ордынке примерно столько же, сколько в Ленинграде, если не больше.

Почему Москва стала для нее такой родной?

Работа этого требовала — Anne Андреевне давали стихотворные переводы именно в московских издательствах. Ну и долго шло следствие по делу сына Льва, сидевшего в Лефортовской тюрьме.

А как она перенесла "ждановское постановление"?

Философски. Вот Ахматова играет с родителями в карты. И Ардов говорит в манере типичного советского оратора, обращаясь к Anne Андреевне: "И прав был товарищ Ж., когда он нам указывал..." Вообще за вечерними картами у нас бывало весело. Например, часто начиналась другая забавная игра. Ардов изображал зятя-грузина, а Анна Андреевна — тещу. Маме в игре была отведена роль дочери Ахматовой. Если мама делала какой-нибудь неловкий карточный ход, отец говорил Anne Андреевне с характерным акцентом: "Мама, ви мяня парастытэ, но я удивляюсь вашей дочери..." Наверно, в связи с этим отец придумал Ахматовой такое семейное прозвище — "теща гонорис кауза".

А с какого возраста вы ее помните?

Учитывая разницу, тут скорее стоит говорить о том, с какого моего возраста она меня помнила. Ахматова рассказывала, как еще до войны я заходил к ней в комнату, тянулся к черным бусам, которые она тогда носила, и говорил: "Бусики, бусики..."

Сколько вам тогда было?

Чуть больше двух лет. И вот эти "бусики, бусики" стали моим детским прозвищем. И уже в подростковом возрасте они по-другому прозвучали. В тринадцать лет я решил понять, что ж там такое пишет Ахматова, что родители и все, кто к нам приходили, так к ней относятся — по-особому. Нашел ее стихи. Они произвели на меня огромное впечатление. Я понял, что должен записать это в свою тетрадь. Это были "Четки", небольшая книга в голубом коленкором переплете, которую я достал из маленького шкафчика в отцовском кабинете. И вот сижу я за отцовским письменным столом. Переписываю стихи. Вдруг распахивается дверь, поворачиваю голову... И, ужасно смущенный, вижу стоящую на пороге Анну Андреевну. Увидев в чем дело, она сказала: "Ну вот, Бусики-бусики, а уже переписывает мои стихи".

Как относилась Анна Андреевна к местам "у моря, где родилась"? Часто ли вспоминала их?

Ахматова много говорила о Юге (в основном о Крыме). Но при этом воспринимала себя только как петербурженку, царскосельку. А чтобы рассказать что-то об Одессе?.. Нет, не припомню, при мне такого не было. Только Крым. Ее семья часто жила на даче возле Херсонеса. И вот она, 10 — 12-летняя девочка, невероятно далеко уплывала. Стройная, худая — настоящая русалка. Рассказывала,

как однажды на пляже к ней подошел француз, начал знакомиться: "Я из провинции Конав. Не правда ли, известное название?.." Хороший вопрос для 12-летней девочки.

А как насчет Киева, города для нее тоже не чужого?

О нем не часто, но вспоминала. Например, о гимназии, в которой училась. Там работал знаменитый философ Шпет. Как-то он задал вопрос о поэзии, и она прочитала ему что-то свое (справедливости ради, скажу, что именно этот факт я где-то вычитал, а не сам услышал). А вот следующую историю сам слышал. Ахматова ехала на извозчике в Киеве, как раз когда там убили Столыпина. И, говоря сегодняшним языком, начался "режим контртеррористической операции". Она не могла спокойно проехать...

То есть по-настоящему родным ей был только Санкт-Петербург?

Да, в любом случае все иное оставалось просто рассказом о разных городах. Но при этом: "А я один на свете город знаю / И ощупью его во сне найду". Петербург, Царское Село. Хотя можно вспомнить, как однажды я встречал Ахматову. Едем по Мясницкой на такси. Она величественно поворачивает голову и спрашивает: "Ну, что матушка Москва?" Правда, интересно? Ахматова и Петербург — тема известная. А вот Ахматова и Москва — необычно (Тут, кстати, можно добавить, что и умерла Андреевна не в Петербурге, как считают многие, а в подмосковном Домодедове, — О. К.). В любом случае можно сказать, что она изменила Югу с Севером. Однако не признаю к Одессе у нее не было. У нас на Ордынке часто говорили о ней. Поклонник и друг Ахматовой, обаятельный и восторженный Дмитрий Николаевич Журавлев, знаменитый тещ, как-то рассказывал о своей поездке в Одессу. Он зашел побриться. Работает одесский еврей-парикмахер. Спрашивает: "Ви из Москвы?" — "Да, а как вы догадались?" — "Акцент!" Здесь еще нужно знать, что Журавлев родом из Харьковской губернии, и в молодости он действительно говорил с сильным украинским акцентом. Но потом много работал, стал артистом, тещом. У него был изумительный русский язык. А насчет "одесского языка" мне еще очень нравится фраза "он имел ее иметь через зонтик от Бонзы".

Мне кажется, что и юмор Ахматовой часто бывал чисто одесским. Помните историю из ваших воспоминаний — о конфетах, которые почему-то всегда продают давленными. Узнав об этом, Ахматова тут же отреагировала: "Их хоть при вас давят?" Я слышу в этой остроте явную одесскую интонацию!

О юморе можно много рассуждать. Знаете, очень рекомендую почитать доклад Сергея Сергеевича Аверинцева "О духе времени и чувстве юмора", он вышел в "Новом мире", № 1 за 2000 год, в Интернете легко найти. Там говорится о разных видах юмора. О политическом, переживавшем расцвет в СССР. О клерикальном, еврейском. И еврейский юмор сам по себе — во многом сущностно-клерикальный. Что такое иудейская религия — это несколько тысяч лет ожидания мессии и непризнание этого мессии в Иисусе. Юмор появляется там, где есть величие, серьезность, пересекающиеся с обыденностью. В этом смысле — вот мой любимый анекдот. Машиах пришел. Собрались все евреи. Нет только одного портного. К нему послали гонца: "Рабинович, что ты сидишь? Машиах пришел. Все уже собрались". — "Да-да, сейчас..." Не идет. Другого послали, третьего. "Да-да, еще немного дострочу..." В конце концов, сам машиах не выдержал, пришел к портному: "Рабинович! Ну сколько уже можно тебя ждать?!" — "Ой, кто бы говорил!"

Так вот — одесский юмор в значительной степени пересекается с еврейским. И специфические одесские анекдоты не очень отличаются от корпуса анекдотов еврейских. Поэтому в окружении Ахматовой место полноценного представителя одесского юмора и заодно близкого ему еврейского (а также таганрогского) занимала Раневская. Фаина Георгиевна сама придумывала шутки. Да и разные истории в ее пересказе становились ими. Кое-что Анна Андреевна с удовольствием повторяла, цитировала: "Фаина говорит, ее домработница ей сказала: "Чтобы не забыть — в субботу конец света". Да и мы все любили пересказывать истории Раневской. Например: "Ой, у вас такая нежная кожа!.. Когда я была молодой, у меня тоже была нежная кожа... Я шла по улице, так люди висовывались из окон и гово-

рили: "Ось идёт иностранка". Или о женщине, узнавшей актрису, когда она ехала в трамвае. Выходя, она схватила Раневскую за ладонь и сказала: "Мысленно жму вашу руку"... Интересно, что кроме одесского юмора Раневская представляла для Ахматовой еще и мир театра. Ведь Анна Андреевна театр не любила. В кино ходила, а в театр — нет. Как-то в Кисловодске она познакомилась с Качаловым: "Он мне рассказывал об одной постановке, о другой... Ему и в голову прийти не могло, что я ничего этого не видела".

А как Ахматова отзывалась об одесских писателях, поэтах? Так, с ходу вспоминаются ее отзывы о прозе и человеческих качествах Катаева, Бабеля, о "гавайской гитаре" у Кирсанова во время ареста Мандельштама...

Тут я хорошо знаю только одну историю, произошедшую у нас дома. В конце 30-х годов наша семья жила в Лаврушинском переулке. И меня туда привезли из роддома (Михаил Викторович родился 21 октября 1937 года, — О. К.)... Это уже потом папа выменял квартиру на более просторную — на Ордынке. А в Лаврушинском по соседству с нами жил Ильф. Иногда он заходил в гости к родителям. Однажды застал там Анну Андреевну (а Ахматова была явно старше моей мамы). Потом Ильф сказал моему отцу: "Какая строгая у вас теща!" Наверное, именно после этого пошла шутка про тещу. А что касается других одесситов... Кирсанов как-то подарил папе свою книжку и подписал:

*Дарю книжонку Ардову
И выражаю мнение:
Наполеону дар Даву
Был ценен даже менее.*

Кирсанов был одарен, но, кажется, у Липкина есть очень точные слова Марины Ивановны Цветаевой о нем: "Игрушечный автомобиль, на который поставили настоящий мотор от грузовика".

Катаев талантливый. Но негодяй. Как только бросил пить, сразу вступил в партию!

Постояйте-постояйте! Я не вполне понял логику. Как одно связано с другим?

Ну как же! Загулы, женщины... Разве с таким поведением можно было идти в партию? Моральный облик, выговоры. А как только бросил пить и по женщинам ходить сил уже не было, смело можно идти в партию.

Я знаю совсем другую версию, что вступление в партию связано с журналом "Юность", который создал Валентин Петрович. Неприлично, чтобы главный редактор оставался беспартийным.

Нет, думаю, все намного проще... И Бабель тоже был очень талантлив, но ведь великий нахал! Тогда говорили, что его из-за Льва Никулина арестовали. Однако при чем тут Никулин, если Бабель спал с женой Ежова? И про запас уже была заготовлена бумага, в которой Ежов сообщал, что тот якобы вербовал его через жену. Об этом, кажется, Маркиш писал.

Как я понимаю, в писательском сообществе вообще недолюбливали Льва Никулина.

Да, с ним в этом смысле вообще не очень справедливо обходились. Конечно, он был связан с органами, но не в роли мелкого стукача, а как спецпоруочец. Ездил в Афганистан, в Турцию, в другие командировки. Кстати, есть одна очаровательная история. Дочь писателя Ольга Львовна сейчас заканчивает книгу воспоминаний. У нее там есть эта жизненная новелла. В начале 60-х годов Никулин часто бывал во Франции, лечился на одном курорте. И там где-то хозяйничали то ли дашнаки, то ли грузинские меньшевики. Оказалось, что у них есть письмо Крупской, в котором она пишет, что он такой-сякой, ужасный гуляка. Ни одной новой курьерши из России не пропустит. Естественно, нельзя было оставлять это письмо в чужих руках. И Никулин вел долгие переговоры о его покупке.

И чем это все закончилось?

Большим успехом. Письмо выкупили и уничтожили... А возвращаясь к Бабелю и Никулину... тогда очень популярна была эпиграмма:

*Каин, где брат твой Авель?
Никулин, где брат твой Бабель?*

Но, повторюсь, все это несправедливо.

Мы сильно отвлеклись на жизнелюбиво-го вожда и не менее жизнелюбиво-

одесских писателей. Вернемся к Anne Андреевне. Как вам кажется, Ахматова откасалась от отцовской фамилии "Горенко" только потому, что он запрещал ей печататься под ней?

Да, конечно! И тогда она взяла фамилию бабушки-татарки. Позже иронизировала над собой: "Только в очень раннем возрасте можно взять татарский псевдоним".

Она очень любила Гоголя?

Да. Любя, называла его "хохлому". Остроумно доказывала украинскую сущность Гоголя, вспоминая начало "Мертвых душ", где говорится о "двух русских мужиках", обсуждающих качества чичиковского экипажа: "Зачем здесь "русские"? Почему не просто "два мужика"?"

Аргумент действительно точный и остроумный, но первым его, кажется, привел то ли Толстой-Американец, то ли Тютчев.

Да, возможно. Но Анна Андреевна после этого еще ставила точку: "А кого Гоголь ожидал здесь увидеть? Двух испанских грандов?"

А у самой Анны Ахматовой, бывшей Горенко, были хоть какие-то элементы украинской идентичности?

Нет, абсолютно не было.

Возвращаясь к ее татарской идентичности, легендам об Ахмате-чингизиде... Как вам кажется, это сильно сказалось на историко-географических взглядах Льва Гумилева?

Не думаю. Мне кажется, для него было важнее другое: не примыкать ни к западникам, ни к славянофилам. Помню, как Гумилев читал мне былинку Алексея Константиновича Толстого "Змей Тугарин". Помните, как Змей Тугарин в начале говорит страшные сбывающиеся пророчества:

*Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимет твой Киев и пламя, и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!
.....
Певец продолжает: "И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,
И землю единую из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом.*

Эта дума вообще замечательно кончается — после того как Тугарина прогнали:

*Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

*Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем.
И весело слышать ему над Днепром:
"Ой ладо, ой ладушки-ладо!"*

*Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют садники града,
Пирует весь Киев, и молод, и стар:
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

Так вот, Гумилев прочел мне наизусть всю былинку. И, смеясь, сказал: "Змей Тугарин — это я!" У Гумилева была мания величия, он захотел стать основоположником. Соревновался с Карлом Марксом, с его "борьбой классов" как движущей силой истории. Одна из любимых моих шуток: хорошо бы написать большой портрет Гумилева, а над ним лозунг — "Пассионарии всех времен — соединяйтесь!" Думаю, понятно, что тут имеется в виду. Термин "пассионарии" сам по себе неплох. Но нельзя его абсолютизировать, объяснять им всё... Эта теория в законченном виде сложилась у Гумилева довольно рано. Он под конвоем ехал из заключения на войну. По дороге его где-то встретил Харджиев. Как-то узнал, где будет Гумилев, и передал ему деньги, еду. Тогда тот полностью изложил ему свою теорию... Кстати, Николай Иванович Харджиев (ударение на "а") тоже был одесситом! Он окончил ваш университет, филолог, но поэзией Ахматовой не занимался. Был специалистом по Хлебникову, по футуристам.

Олег КУДРИН,
Москва.